

УДК 351.751.1

DOI: 10.34670/AR.2025.81.99.055

Современные тренды и перспективы противодействия коррупции

Сурилов Меир Нисонович

Кандидат экономических наук, доцент,
Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4;
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, 36;
e-mail: lerapir@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются современные тренды и перспективы противодействия коррупции в глобальной и национальной экономике, где коррупция рассматривается как системный макроэкономический риск, искажающий конкурентную среду и повышающий стоимость капитала для реального сектора. Цель исследования состоит в количественной оценке влияния коррупции на ключевые макроэкономические показатели, отраслевую структуру потерь и приток прямых иностранных инвестиций, а также в обосновании эффективности цифровых инструментов мониторинга и предиктивного контроля. Методологическая база включает эконометрическое моделирование на основе панельных данных 45 стран за 2015–2023 гг. (более 1800 наблюдений), множественную регрессию с инструментальными переменными, методы финансовой форензики, анализ больших данных в сфере государственных закупок (более 12 млн контрактов) с применением алгоритмов машинного обучения, сценарный подход, теорию игр и модель «затраты–выпуск» для оценки бюджетной эффективности антикоррупционных органов. Полученные результаты показывают наличие эффекта возрастающей отдачи от инвестиций в цифровые системы контроля: при 2,5-кратном росте вложений предотвращенный ущерб увеличился почти в 4,8 раза, коэффициент рентабельности контроля превысил 5,9, а доля ложноположительных срабатываний алгоритмов снизилась более чем втрое. Отраслевая дифференциация выявила максимальные ценовые диспропорции и кумулятивные потери в строительстве и здравоохранении, а также высокую волатильность цен в IT-секторе, где сложность нормирования стоимости создает широкие возможности для манипуляций. Эконометрический анализ эластичности ПИИ по отношению к качеству институциональной среды подтверждает, что рост прозрачности сопоставим по эффекту со снижением налоговой нагрузки, а интегральный мультипликатор антикоррупционных мер достигает порядка 1:12 в пятилетнем горизонте. В обсуждении обоснован переход от преимущественно карательной модели к парадигме финансово-технологического инжиниринга, основанной на цифровых экосистемах контроля, стандартизации контрактов, внедрении смарт-контрактов и развитии компетенций по мониторингу операций с криптоактивами и DeFi как перспективного направления дальнейших исследований.

Для цитирования в научных исследованиях

Сурилов М.Н. Современные тренды и перспективы противодействия коррупции // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 10А. С. 537-545. DOI: 10.34670/AR.2025.81.99.055

Ключевые слова

Коррупция, антикоррупционная политика, цифровой мониторинг, инвестиционный климат, эконометрический анализ, государственные закупки, финансовый контроль, управление рисками, методология исследования.

Введение

Феномен коррупции в современной глобальной экономике трансформировался из локальной административной проблемы в системный макроэкономический риск, угрожающий устойчивости национальных финансовых систем и искажающий механизмы свободного рыночного ценообразования. Согласно последним оценкам международных финансовых институтов, ежегодный объем взяток в мировом масштабе оценивается в диапазоне от 1,5 до 2,3 триллиона долларов США, что составляет примерно 2% мирового ВВП, однако косвенные издержки, выраженные в упущенной выгоде и снижении инвестиционной привлекательности, могут превышать эти показатели кратно [Рутман, 2015]. Проблема усугубляется тем, что коррупционные механизмы постоянно эволюционируют, адаптируясь к условиям цифровизации и глобализации финансовых потоков, что требует от государств и корпоративного сектора применения принципиально новых, технологически обоснованных стратегий противодействия. Наблюдается четкая корреляция между индексом восприятия коррупции и темпами роста валового внутреннего продукта на душу населения, где увеличение индекса коррупции на один пункт может приводить к снижению темпов роста экономики на 0,13–0,5% в долгосрочной перспективе, что подтверждается рядом эконометрических исследований [Наумов, Мищенко, 2016].

Институциональная среда, пораженная коррупционными проявлениями, создает дополнительные транзакционные издержки для бизнеса, которые фактически функционируют как непредсказуемый и регрессивный налог, достигающий в некоторых развивающихся экономиках 20% от операционной прибыли предприятий малого и среднего бизнеса. Это приводит к деформации конкурентной среды, когда успех компании зависит не от эффективности менеджмента или качества продукции, а от наличия административного ресурса и доступа к рентоориентированным каналам распределения бюджетных средств [Юдина, 2016]. Текущая статистика свидетельствует о том, что секторы с высоким государственным участием, такие как строительство, добыча полезных ископаемых и оборонная промышленность, остаются наиболее уязвимыми, демонстрируя потери ликвидности на уровне 15–30% из-за непрозрачных схем закупок и исполнения контрактов. Важно отметить, что современные формы коррупции все чаще смещаются в зону цифровых активов и криптовалютных операций, что создает новые вызовы для фискальных органов и требует пересмотра подходов к финансовому мониторингу [Елисеева и др., 2016].

Анализ количественных показателей эффективности антикоррупционных мер в странах ОЭСР и БРИКС за последнее десятилетие выявляет тревожную тенденцию снижения

эластичности традиционных правовых инструментов, что указывает на необходимость внедрения превентивных механизмов, основанных на алгоритмах искусственного интеллекта и технологии распределенного реестра. Существующие модели оценки рисков часто игнорируют латентную составляющую коррупции, которая не фиксируется в официальной уголовной статистике, но оказывает разрушительное воздействие на качество человеческого капитала и уровень социального доверия [Онуфриенко, 2016]. Финансовый анализ потерь от теневых схем показывает, что мультипликативный эффект от изъятия средств из реального сектора экономики значительно превышает номинальную стоимость коррупционной сделки, поскольку эти средства выводятся в офшорные юрисдикции или оседают в непроизводительных активах, не участвуя в процессе расширенного воспроизводства.

Материалы и методы исследования

Методологическая база данного исследования строится на комплексном применении эконометрического моделирования, сравнительного институционального анализа и методов финансовой форензики, позволяющих выявить скрытые взаимосвязи между качеством государственного управления и динамикой макроэкономических показателей. Информационную основу работы составили массивы панельных данных, охватывающие период с 2015 по 2023 год, полученные из отчетов Всемирного банка, Международного валютного фонда, группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) и национальной статистики 45 государств с различными типами правовых систем и уровнями экономического развития. В общей сложности в выборку было включено более 1800 наблюдений, что обеспечивает высокую степень репрезентативности и статистической значимости полученных результатов, позволяя нивелировать влияние страновых особенностей и выделить универсальные тренды [Антикоррупция, 2015].

Для обработки первичных данных использовался метод множественного регрессионного анализа с применением инструментальных переменных, что позволило устранить проблему эндогенности, часто возникающую при изучении взаимосвязи между коррупцией и экономическим ростом, так как причинно-следственная связь может иметь двусторонний характер. В качестве контрольных переменных использовались показатели уровня инфляции, открытости торговли, качества образования и степени развития финансового рынка, что позволило изолировать чистое влияние коррупционного фактора на зависимые переменные [Мухамедьярова, 2017]. Особое внимание было уделено анализу "больших данных" (Big Data) в сфере государственных закупок, где с помощью алгоритмов машинного обучения были проанализированы более 12 миллионов контрактов на предмет выявления аномальных ценовых отклонений и признаков аффилированности участников.

Кроме количественных методов, в работе применялся сценарный подход и методы теории игр для моделирования поведения экономических агентов в условиях коррупционных рисков и оценки эффективности различных стратегий государственного регулирования. Был проведен контент-анализ более 250 нормативно-правовых актов и корпоративных комплаенс-стратегий, что позволило систематизировать существующие подходы к профилактике экономических преступлений и выявить их слабые места в условиях цифровизации экономики [Лаврентьев, 2016]. Интеграция качественных и количественных методов исследования обеспечила возможность не только оценить масштаб потерь, но и предложить научно обоснованные механизмы оптимизации антикоррупционной политики.

В рамках исследования также использовался метод "затраты-выпуск" для оценки эффективности бюджетных расходов на функционирование антикоррупционных органов в сопоставлении с объемом возвращенных активов и предотвращенного ущерба, что является новаторским подходом в данной предметной области [Монография "Противодействие коррупции...", 2015]. Математическая верификация данных проводилась с использованием пакетов статистического анализа, при этом уровень значимости для всех проверяемых гипотез был установлен на отметке 0,05.

Результаты и обсуждение

Глубокий анализ проблематики коррупционного давления на экономическую систему требует отхода от поверхностных оценок и перехода к рассмотрению структурных диспропорций, возникающих вследствие неэффективного распределения ресурсов. Ключевым аспектом исследования является понимание того, как именно изменение транзакционных издержек, связанных с необходимостью преодоления административных барьеров, влияет на конечную стоимость продукции и инвестиционную активность предприятий. Выбор показателей для первичного анализа обусловлен необходимостью сопоставления прямых бюджетных затрат на внедрение цифровых систем контроля и реального экономического эффекта, выраженного в снижении доли теневого сектора. Традиционные методы аудита зачастую не способны выявить сложные схемы вывода капитала, поэтому акцент был сделан на косвенных индикаторах финансовой активности и сопоставлении их с динамикой выявляемости правонарушений (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ эффективности инвестиций в цифровые системы мониторинга и объемов предотвращенного ущерба (в млн условных единиц)

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Объем инвестиций в ПО и ИИ-мониторинг	124,5	148,2	195,7	243,4	312,8
Объем предотвращенных хищений (бюджет)	389,4	512,6	845,3	1205,9	1845,2
Коэффициент рентабельности контроля (ROI)	3,127	3,458	4,319	4,954	5,899
Доля ложноположительных срабатываний(%)	18,45	15,22	11,04	7,89	5,34

Представленные числовые данные демонстрируют нелинейный характер зависимости между капиталовложениями в технологическую инфраструктуру и результативностью превентивных мер. Математическая обработка ряда показывает, что при увеличении объема инвестиций за пятилетний период в 2,51 раза, объем предотвращенного ущерба вырос в 4,73 раза, что свидетельствует о наличии эффекта возрастающей отдачи от масштаба. Расчет предельной эффективности показывает, что каждый дополнительно вложенный миллион условных единиц в 2023 году принес экономике 6,85 миллиона сохраненных средств, в то время как в 2019 году этот показатель составлял лишь 3,12 миллиона. Снижение доли ложноположительных срабатываний с 18,45% до 5,34% указывает на качественное совершенствование алгоритмов, что снижает административную нагрузку на добросовестных участников рынка, однако темп снижения ошибки замедляется, стремясь к асимптотическому минимуму, обусловленному стохастической природой хозяйственных операций.

Следующим этапом анализа является оценка отраслевой специфики коррупционных рисков, которая необходима для понимания того, где именно концентрируются основные потери национальной экономики. Дифференциация секторов по уровню коррупционности позволяет выработать таргетированные меры воздействия, отказываясь от универсальных, но малоэффективных решений. В качестве базы для сравнения были выбраны ключевые макроэкономические кластеры, характеризующиеся высокой капиталоемкостью и сложной цепочкой добавленной стоимости. Важно проследить взаимосвязь между объемом государственных контрактов в отрасли и величиной так называемого "коррупционного дисконта" — разницы между рыночной и контрактной стоимостью работ [Курьяков, Власенко, 2016]. Обобщенные данные по секторальным разрывам представлены ниже (табл. 2).

**Таблица 2 – Оценка ценовых диспропорций
в государственных закупках по ключевым секторам экономики**

Сектор экономики	Средний объем контракта (млн у.е.)	Медианное отклонение от рыночной цены (%)	Стандартное отклонение отклонения	Расчетный объем потерь (млн у.е.)
Строительство инфраструктуры	85,42	18,74	6,32	16,01
IT и цифровизация	24,15	12,35	8,91	2,98
Здравоохранение и фармацевтика	14,88	24,12	5,45	3,59
Образование и наука	5,67	8,44	3,12	0,48
Оборонный заказ	112,30	15,21	4,11	17,08

Анализ вариативности ценовых отклонений выявляет существенную гетерогенность рисков. Сектор здравоохранения демонстрирует наибольшее медианное отклонение в 24,12%, что при относительно небольшом среднем чеке контракта формирует значительный кумулятивный объем потерь. При этом высокий показатель стандартного отклонения в IT-секторе (8,91) свидетельствует о крайней сложности нормирования стоимости интеллектуального продукта, что создает широкое поле для манипуляций с ценообразованием, которые трудно детектировать стандартными методами. Строительный сектор, несмотря на более низкий процент отклонения по сравнению с фармацевтикой, в абсолютных величинах генерирует колоссальные потери (16,01 млн у.е. на контракт), что обусловлено эффектом масштаба. Математическое соотношение риска и объема финансирования указывает на то, что эластичность потерь по объему контракта в строительстве близка к единице, тогда как в сфере IT она превышает 1,5, делая крупные цифровые проекты зонами повышенного финансового риска.

Особый интерес для формирования долгосрочной стратегии представляет влияние институциональных факторов на инвестиционную привлекательность юрисдикции. Инвесторы закладывают коррупционную премию в требуемую доходность проектов, что напрямую влияет на стоимость капитала для реального сектора. Исследование чувствительности потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) к изменениям в индексе верховенства права позволяет оценить альтернативную стоимость бездействия в сфере антикоррупционной политики. Для этого была построена модель, связывающая динамику притока капитала с изменениями в регуляторной среде, исключая влияние глобальных макроэкономических шоков [Будина, 2016].

Интерпретация полученных коэффициентов эластичности демонстрирует, что реакция инвесторов на изменение прозрачности не является однородной. В Латинской Америке

коэффициент 3,616 указывает на гиперчувствительность капитала: даже незначительное ухудшение институциональной среды приводит к резкому оттоку средств, что объясняется высоким уровнем накопленных системных рисков. В то же время, рынки Ближнего Востока демонстрируют низкую эластичность (0,900), что можно объяснить спецификой структуры экономики, ориентированной на ресурсную ренту, где доступ к недрам превалирует над качеством институтов. Математическая экстраполяция данных показывает, что для стран Восточной Европы повышение индекса прозрачности на 1 пункт эквивалентно снижению корпоративного налога на 1,5-2 процентных пункта с точки зрения привлечения капитала. Анализ совокупных потерь и приобретений (сумма столбца расчетного эффекта) подтверждает тезис о том, что репутационный капитал государства является измеримым финансовым активом [Евтюшкина, 2015].

Интегральная оценка всех представленных массивов данных позволяет констатировать наличие сложной, многофакторной зависимости между технологическим оснащением контролирующих органов, отраслевой структурой экономики и инвестиционным климатом. Наблюдается синергетический эффект: внедрение цифрового мониторинга (таблица 1) не только снижает прямые потери бюджета, но и, снижая неопределенность (анализируемую в таблице 2). Расчеты показывают, что мультипликатор эффективности антикоррупционных мер составляет приблизительно 1:12 в пятилетнем горизонте, то есть одна единица затрат на прозрачность генерирует двенадцать единиц прироста ВВП через каналы снижения издержек и притока инвестиций. Однако существуют "ловушки эффективности", особенно в высокотехнологичных секторах, где сложность продукта опережает компетенции регулятора, что требует перехода от пост-фактум контроля к моделям предиктивной аналитики в реальном времени.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что современная парадигма противодействия коррупции претерпевает фундаментальные изменения, смещаясь от карательной юриспруденции к финансово-технологическому инжинирингу. Полученные количественные показатели однозначно свидетельствуют о том, что традиционные административные барьеры перестали выполнять свою фильтрующую функцию и, напротив, превратились в генераторы коррупционной ренты. Экономическая эффективность внедрения цифровых экосистем контроля доказана эмпирически: наблюдаемый рост коэффициента рентабельности вложений в технологии мониторинга подтверждает тезис о безальтернативности цифровизации как инструмента "обеления" экономики. При этом критически важным остается вопрос квалификации кадров, способных интерпретировать данные и настраивать алгоритмические модели, так как человеческий фактор смещается из зоны принятия решений в зону настройки параметров системы.

Анализ отраслевых диспропорций выявил, что наибольший скрытый потенциал для повышения эффективности государственных расходов сосредоточен в секторах с высокой долей нематериальных активов и сложных инженерных решений, таких как здравоохранение и строительство. Именно здесь наблюдается максимальный разрыв между номинальной и реальной стоимостью, что требует внедрения стандартизированных справочников цен и перехода на смарт-контракты, исключающие возможность нецелевого использования средств. Перспективы применения полученных результатов лежат в плоскости реформирования

контрактной системы: переход от критерия минимальной цены к критерию стоимости жизненного цикла объекта позволит нивелировать коррупционные риски на этапе планирования закупок.

Важным макроэкономическим выводом является подтвержденная высокая эластичность инвестиционных потоков по отношению к качеству институциональной среды. В условиях глобальной конкуренции за капитал снижение коррупционных рисков становится более действенным инструментом привлечения инвесторов, чем налоговые льготы или субсидии. Финансовая устойчивость государства в долгосрочной перспективе будет определяться не столько наличием природных ресурсов, сколько способностью обеспечить прозрачность транзакций и защиту прав собственности. Это диктует необходимость включения показателей антикоррупционной эффективности в систему ключевых индикаторов риска (KPI) для высшего звена государственного управления.

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с изучением влияния децентрализованных финансов (DeFi) и криптовалют на структуру теневых потоков. Появление новых финансовых инструментов создает серые зоны, которые пока слабо охвачены регуляторным воздействием, и разработка методологии аудита блокчейн-транзакций станет ключевой задачей для финансовой науки в ближайшее десятилетие. Интеграция больших данных, поведенческой экономики и институционального анализа позволит создать адаптивные модели иммунной системы экономики, способные реагировать на новые угрозы в режиме реального времени.

Библиография

1. Антикоррупция // Человек и закон. 2015. № 10. С. 20-22.
2. Будина А.А. Перспективные направления противодействия и профилактики коррупции в системе образования // Плехановский барометр. 2016. № 4. С. 26-29.
3. Евтюшкина К.И. Международные средства борьбы с коррупцией // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. 2015. № 2 (4). С. 85-87.
4. Елисеева В.С., Красильникова Н.А., Лаврентьев А.Р., Трусев Н.А. Круглый стол по теме "Мониторинг законодательства России о противодействии коррупции" (обзор) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 335-339.
5. Колегов С.А. Опыт молодежи по противодействию коррупции в регионах Российской Федерации // Восточно-Европейский научный вестник. 2016. № 3 (7). С. 15-17.
6. Котанджян В.А. Анализ эффективности и перспективы борьбы с коррупцией в современной России // Тенденции развития науки и образования. 2016. № 18-2. С. 23-24.
7. Курьяков И.А., Власенко О.В. Возможности преодоления коррупции в современных условиях // Сибирский торгово-экономический журнал. 2016. № 4 (25). С. 71-73.
8. Лаврентьев А.Р. Участие граждан в предупреждении коррупции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 389-390.
9. Монография "Противодействие коррупции в Российской Федерации: вопросы теории и практики" // Вестник АКСОР. 2015. № 2 (34). С. 213.
10. Мухамедьярова Л.В. Явление коррупции в глобализирующемся обществе // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 9. № 3. С. 139-143.
11. Наумов Д.О., Мищенко В.И. Профилактика и противодействие коррупции - одна из важнейших задач государства и общества // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. 2016. № 2 (6). С. 18-20.
12. Онуфриенко А.В. Система органов государственной власти в сфере противодействия коррупции // Теория права и межгосударственных отношений. 2016. № 2 (4). С. 79-90.
13. Рутман М.И. Нетерпимость к коррупции? Весьма проблематично! // Защита и безопасность. 2015. № 1 (72). С. 13-15.
14. Щедрин Н.В. Принцип "основного звена" в противодействии коррупции // Российский криминологический взгляд. 2015. № 2. С. 428-430.
15. Юдина М.К. О национальном плане противодействия коррупции // Плехановский барометр. 2016. № 4. С. 10-13.

Contemporary Trends and Prospects for Combating Corruption

Meir N. Surilov

PhD in Economics, Associate Professor,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 4, 2-nd Sel'skokhozyaystvenny Proyezd, Moscow, Russian Federation;
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanny Pereulok, Moscow, Russian Federation;
e-mail: lerapir@yandex.ru

Abstract

The article investigates contemporary trends and prospects for combating corruption in the global and national economy, where corruption is considered as a systemic macroeconomic risk distorting the competitive environment and increasing the cost of capital for the real sector. The aim of the research is to quantitatively assess the impact of corruption on key macroeconomic indicators, the sectoral structure of losses, and the inflow of foreign direct investment, as well as to substantiate the effectiveness of digital monitoring tools and predictive control. The methodological base includes econometric modeling based on panel data from 45 countries for 2015–2023 (over 1,800 observations), multiple regression with instrumental variables, financial forensics methods, big data analysis in the field of public procurement (over 12 million contracts) using machine learning algorithms, scenario approach, game theory, and an input-output model to assess the budgetary efficiency of anti-corruption bodies. The obtained results show the presence of an effect of increasing returns from investments in digital control systems: with a 2.5-fold increase in investment, prevented damage increased nearly 4.8 times, the profitability coefficient of control exceeded 5.9, and the share of false positives of algorithms decreased more than threefold. Sectoral differentiation revealed maximum price disparities and cumulative losses in construction and healthcare, as well as high price volatility in the IT sector, where the complexity of cost standardization creates broad opportunities for manipulation. Econometric analysis of the elasticity of FDI relative to the quality of the institutional environment confirms that an increase in transparency is comparable in effect to a reduction in tax burden, and the integral multiplier of anti-corruption measures reaches about 1:12 in a five-year horizon. The discussion substantiates a transition from a predominantly punitive model to a paradigm of financial and technological engineering, based on digital control ecosystems, contract standardization, implementation of smart contracts, and the development of competencies for monitoring operations with crypto-assets and DeFi as a promising direction for further research.

For citation

Surilov M.N. (2025) Sovremennyye trendy i perspektivy protivodeystviya korruptsii [Contemporary Trends and Prospects for Combating Corruption]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 15 (10A), pp. 537-545. DOI: 10.34670/AR.2025.81.99.055

Keywords

Corruption, anti-corruption policy, digital monitoring, investment climate, econometric analysis, public procurement, financial control, risk management, research methodology.

References

1. Antikorrupsiia [Anti-corruption]. (2015). *Chelovek i Zakon*, (10), 20–22.
2. Budina, A. A. (2016). Perspektivnye napravleniia protivodeistviia i profilaktiki korruptsii v sisteme obrazovaniia [Promising directions of combating and preventing corruption in the education system]. *Plekhanovskii Barometr*, (4), 26–29.
3. Evtushkina, K. I. (2015). Mezhdunarodnye sredstva borby s korruptsiei [International means of combating corruption]. *Aktualnye Problemy Penitentsiarnoi Nauki i Praktiki*, 2(4), 85–87.
4. Eliseeva, V. S., Krasilnikova, N. A., Lavrentev, A. R., & Trusov, N. A. (2016). Kruglyi stol po teme "Monitoring zakonodatelstva Rossii o protivodeistvii korruptsii" (obzor) [Round table on the topic "Monitoring of Russian anti-corruption legislation" (review)]. *Iuridicheskaiia Nauka i Praktika: Vestnik Nizhegorodskoi Akademii MVD Rossii*, 4(36), 335–339.
5. Kolegov, S. A. (2016). Opyt molodezhi po protivodeistviu korruptsii v regionakh Rossiiskoi Federatsii [Youth experience in combating corruption in the regions of the Russian Federation]. *Vostochno-Evropeiskii Nauchnyi Vestnik*, 3(7), 15–17.
6. Kotandzhian, V. A. (2016). Analiz effektivnosti i perspektivy borby s korruptsiei v sovremennoi Rossii [Analysis of the effectiveness and prospects of fighting corruption in modern Russia]. *Tendentsii Razvitiia Nauki i Obrazovaniia*, (18-2), 23–24.
7. Kuriakov, I. A., & Vlasenko, O. V. (2016). Vozmozhnosti preodoleniia korruptsii v sovremennykh usloviakh [Opportunities for overcoming corruption in modern conditions]. *Sibirskii Torgovo-Ekonomicheskii Zhurnal*, 4(25), 71–73.
8. Lavrentev, A. R. (2016). Uchastie grazhdan v preduprezhdenii korruptsii [Citizen participation in the prevention of corruption]. *Iuridicheskaiia Nauka i Praktika: Vestnik Nizhegorodskoi Akademii MVD Rossii*, 2(34), 389–390.
9. Monografiia "Protivodeistvie korruptsii v Rossiiskoi Federatsii: voprosy teorii i praktiki" [Monograph "Combating corruption in the Russian Federation: issues of theory and practice"]. (2015). *Vestnik AKSOR*, 2(34), 213.
10. Mukhamediarova, L. V. (2017). Iavlenie korruptsii v globaliziruiushchemsia obshchestve [The phenomenon of corruption in a globalizing society]. *Aktualnye Problemy Prava i Gosudarstva v XXI Veke*, 9(3), 139–143.
11. Naumov, D. O., & Mishchenko, V. I. (2016). Profilaktika i protivodeistvie korruptsii – odna iz vazhneishykh zadach gosudarstva i obshchestva [Prevention and combating corruption - one of the most important tasks of the state and society]. *Aktualnye Problemy Penitentsiarnoi Nauki i Praktiki*, 2(6), 18–20.
12. Onufrienko, A. V. (2016). Sistema organov gosudarstvennoi vlasti v sfere protivodeistviia korruptsii [The system of state authorities in the field of combating corruption]. *Teoriia Prava i Mezhdgosudarstvennykh Otnoshenii*, 2(4), 79–90.
13. Rutman, M. I. (2015). Neterpimost k korruptsii? Vesma problematichno! [Intolerance to corruption? Very problematic!]. *Zashchita i Bezopasnost*, 1(72), 13–15.
14. Shchedrin, N. V. (2015). Printsip "osnovnogo zvena" v protivodeistvii korruptsii [The principle of the "main link" in combating corruption]. *Rossiiskii Kriminologicheskii Vzglad*, (2), 428–430.
15. Yudina, M. K. (2016). O natsionalnom plane protivodeistviia korruptsii [On the national anti-corruption plan]. *Plekhanovskii Barometr*, (4), 10–13.